Ольга Шалыгина

Концепт времени в структуре «Киммерийского мифа»

Пространственно-временные характеристики «идеальной» реальности, созданной «киммерийским мифом», представляют собой чрезвычайно интересный объект изучения и с точки зрения поэтики, и с точки зрения философии. Наличие у творца этого мифа собственной целостной картины мира, осмысленной философски и эстетически, не подвергается сомнению. Л.Н. Столович считает, «коктебельский мудрец» находится в ряду Льва Толстого и Федора Достоевского, Державина и Пушкина, Баратынского и Тютчева, без эстетическо-образного стиля осмысления мира которых немыслима русская философия [10]. Эрих Соловьев утверждает, что фигура Волошина «философски уникальная и что в ее уникальности содержится зерно долгосрочной влиятельности» [11]. Философскую позицию Волошина в понимании человека и его жизненного мира ученый определяет как «космоперсонализм», имея ввиду, что для Волошина «индивидуальность человека имеет высочайшее, космическое достоинство» [Там же]. А. Люсый в работе «Русский космос и мистерия времени», отмечая специфику организации художественного времени и пространства в его произведениях, рассматривает творчество Волошина в русле космизма [9]. Исследователи творчества Волошина полагают, что «Волошин не принадлежал к непосредственно соловьевскому направлению русской философии, как Е.Н. Трубецкой <…>, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский» [11]. Время у Волошина, вполне обоснованно, рассматривается в контексте становления ноосферной парадигмы [См.: 1]. Выделяется два его определяющих измерения у Волошина: геологическое и археологическое. И то, и другое могут иметь как реальные ландшафтные коннотации с природой и историей Восточного Крыма, так и многообразные символические наслоения. А. Люсый, называя антропософию Штейнера в качестве одного из источников Крымского текста, определяет особенности волошинского мировосприятия через эстетическое искупление «Таврического мифа Киммерийским в неорганической (геолого-минералологической) прививке к стиху и поэзии в целом» [8]. Это относится, прежде всего, к языку Блаватской и Штейнера, на котором Волошин разговаривал со своими современниками, оперируя зафиксированными в нем эмблематическими значениями символов.

Идея произвольного смешения в творчестве Волошина символов разных эпох и народов, хаотичном многобожии Волошина вошла в русскую критику еще в начале XX века, когда у читателя не было возможности оценить специфику индивидуального значения

понятий и символов в ядре языкового сознания писателя[1]. В советское литературоведение идея «путанности» Волошина была внедрена с подачи Н.А. Струве, внука старого специалиста по нелегальной печати П.Б. Струве, и прозвучала в предисловии Э. Райса к двухтомнику стихотворений Волошина: «В беспорядочном нагромождении и переплетении всего со всем — масонства с католицизмом, Родена с Аввакумом и богемы с аскетизмом, как только схватишься за какую-либо из беспорядочно торчащих во все стороны нитей, за ней потянется все сразу — клочок рыжего крымского чертополоха на обломке резного деревянного украшения из недостроенного Гетеанума и глубокомысленные размышления о перевоплощении рядом с непристойной шуткой парижских художественных кофеен. В основе своей Волошин так же бесформенно мягкотел, как и Розанов, только он вылеплен из иных и иначе замешанных материалов. Он не только воплощенный беспорядок, но и глубоко несовершенное и несчастное существо, трудная для разрешения задача, поставленная судьбою перед ним самим» [4, XXXIV]. Это представление о «беспорядочном нагромождении» эксплуатировало старую маску Волошина как «шута горохового», описанную еще от Д. Философовым[2]. Б.А. Филиппов во втором предисловии того издания Н.А. Струве высказал более взвешенное положение об общей приверженности Волошина философскому идеализму, традициям русской философско-эстетической мысли: «Думается, — писал он, — что многое, принимаемое антропософами за штейнерианское в поэзии Волошина, является скорее платоновскими и неоплатоновскими мотивами в его творчестве <…>; Учение славянофилов, в частности, теория культурно-исторических типов Данилевского, Гоголь и Достоевский, Тютчев — вот истинные предшественники [13, VII]; <…>Я назвал бы его не антропософским мировосприятием, а, скорее, религиозным материализмом, сродни — не по телеологии, а по настроению и вещности — Н.Ф. Федорову» [13, XIII].

В цикле «Киммерийские сумерки» у Волошина мы можем наблюдать телеологически осуществленный процесс построения художественной системы, концептуализации философских интуиций через отбор базовых метафор, которые приобретают характер бесконечного развертывания символа и определяют пространственно-временные параметры художественного мира Волошина. Собственно, философская позиция художника может проявляться именно в этой сфере концептуализации символических значений, а вовсе не в переносе в образную сферу концептов чужих философских систем.

[1] Ср. о исследования ядра русского языкового сознания: Сергиева Н.С. *Представления о времени в ядре русского языкового сознания* [9].
[2] См.: Д. Философов. «*Дело Волошина»* [14].

О методологических проблемах изучения философии писателя, выборе стратегии исследователя, мы говорили на материале чеховедения[3], однако «эффект смешения», который мы наблюдаем по отношению к восприятию философского творчества Волошина, характеризует наличие конфликта мировоззренческих оснований автора художественного мира и его читателей.

В основе волошинской символизации в «Киммерийских сумерках» лежит «реальнейшая реальность», «образ мира сего»[4], явленный в историко-культурном ландшафте Восточного Крыма, — это геологическое время, спрессованные пласты которого обнажаются промывами дождей, раскрывая еще и время жизни ушедших эпох, археологическое время. Если вход «в ноль времени» в других топосах, например, в петербургском тексте[5], достигается лишь неимоверными усилиями (ср. у Достоевского эпилептический припадок или у Флоренского осознание актуальной бесконечности достигается лишь «в высочайшие мгновения молитвенного парения духа»[6]), то здесь, в окрестностях Коктебеля, вертикаль времени обнажена обвалами геологических пород. Созерцание природных геологических пластов времени позволяет всякому, кто оказался внутри этого пространства, непосредственно, чувственным образом, устанавливать вертикаль времени.

Другой топос, где время также поглощается пространством — это пустыня. Включение концепта пустыни в основание киммерийского мифа, кроме вторичных метафорических наслоений, влияний Вл. Соловьева и т.д., имеет также обоснование «нулевой точки» времени. В стихотворении, посвященном Поликсене Сергеевне Соловьевой «Над горестной землей – пустынной и огромной»[7] Волошин объединяет топосы пустыни и Киммерии, где

<…> стали видимы средь сумеречной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письмена дорог, начертанных в пустыне,
И в небе числа звезд [5, 102].

[3] См.: Шалыгина О.В. *Опыт изучения философии писателя в чеховедении* [16].
[4] Ср.: Вяч. Иванов, А. Белый и др.
[5] См.: у Топорова: «Природа тяготеет к горизонтальной плоскости, к разным видам аморфности, кривизны и косвенности, к связи с низом (земля и вода); культура — к вертикали, четкой оформленности, прямизне, устремленности вверх (к небу, к солнцу). Переход от природы к культуре (как один из вариантов спасения) нередко становится возможным лишь тогда, когда удается установить зрительную связь со шпилем или куполом (обычно золотыми, реже просто светлыми, ср. темно-серые характеристики природных стихий или белый [мертвенно] снег)» [12, С. 64].
[6] Ср.: у П.А. Флоренского: «Итак, если Истина есть, то она — реальная разумность и разумная реальность; она есть конечная бесконечность и бесконечная конечность, или, — выражусь математически — актуальная бесконечность — Бесконечное, мыслимое как целокупное Единство, как единый, в себе законченный Субъект. Но законченная в себе, она несет с собою всю полноту бесконечного ряда своих оснований, глубину своей перспективы»[15].
[7] Стихотворение не входит в цикл «Киммерийские сумерки», композиционно включено в «Книгу странствий» вслед за этим циклом.

Включение символического топоса пустыни в круг основных мотивов цикла «Киммерийские сумерки»: («Костер мой догорал на берегу пустыни», «О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни», «Пустынный кряж земли») влечет за собой манифестацию солярного мифа.

В стихотворении «Старинным золотом и жёлчью напитал» обще символистская метафора «старинного золота» в сочетании с «жёлчью» обрастает как ландшафтными колористическими коннотациями Восточного Крыма[8], так и актуализирует архаичные пласты греческой мифологии. В качестве сюжетной основы киммерийского мифа выступает миф о Деметре (праматери), Персефоне, жене Аида, и установлении времен года. Волошин заселяет «пустыни времени» участниками мифа творения и героями:

Здесь был священный лес. Божественный гонец

*Ногой крылатою касался сих прогали*н [5, 90].

Сотворение киммерийского мифа как проявление творческой воли художника по степени радикальности соотносимо с «Черным квадратом» Малевича: художник творит свой мир как вселенную. «Пустыни времени» в программе творения играют не роль литературной метафоры, образно-выразительно средства речи, а становятся конструктом мироздания, поэтому все действия, связанные с ними также концептуализируюся, становятся способами освоения мира и мышления.

Заселенные древними богами, героями, народами «пустыни времени» оборачивают пространственно-временное наполнение привычных нам понятий. Время становится вместилищем, исполняя функцию пространства:

Чьей древнею тоской мой вещий дух ужален?

Кто знает путь богов – начало и конец?

<…>

И лики темные отвергнутых богов

Глядят и требуют, зовут… неотвратимо. [5, 90].

Концепт «времени-вместилища» можно рассматривать с историко-философской точки зрения, обращаясь к античной философии, но также содержание этой категории можно отнести и к общим условиям мифотворчества в начале XX века. Для определения личностной концепции времени Волошина этого параметра недостаточно.

Кроме метафорических отношений — «пустыни времени» — есть еще и предикативные — они «лучатся». Установление этих отношений позволяет выделить лучистый образ вещества или субстанции времени.

[8] См. подробнее: Шалыгина О.В. *Ландшафтные коннотации солярного мифа в структуре крымского текста (М. Волошин «Киммерийские сумерки»)* (в печати)

«*Неназванное имя грозного бога*», «*Всезрящий огонь*», «*Сын старший Хаоса*» — это Гелиос (Аполлон, Horomedon[9]), под его пятой («с*тезей*») лучатся «пустыни времени», исчезает «жизни мышья беготня»[10].

Выделение лучистого образа вещества или субстанции времени позволяет уже более определенно говорить о субстанциальной концепции времени, которая реализуется в творчестве Волошина. Такому ощущению времени соответствует описание стихии времени в античности[11] и генерируемых потоков времени в астрофизике[12]. Когда Волошин заявляет, что он сделал выбор между пространством и временем в пользу времени, это значит, что он выбирает этот вещественный, солнечный ток времени.

Синхронные Волошину концепции времени апеллировали к развитию реляционных динамических концепций в философии и физике. При том, что Волошин находится в общем поле символисткой эстетики, и для него также значимы идеи мифотворчества и жизнестроительства, как для других символистов, но разность в отношении их ко времени как субстанции, порождаемой временем, оставляет его в стороне от литературной борьбы и общественных группировок.

Список литературы:

1. Баландин Р. Вселенная живая и мертвая: М. А. Волошин и В. И. Вернадский о двух синтезах Космоса // Дружба народов. 1995. - №12. - С. 162-172.
2. Волошин М. Horomedon // Золотое руно. 1909. - № 11–12. - С. 55-60.
3. Волошин М. Аполлон и мышь // Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 848 с. С. 96-111.
4. Волошин М. А. Стихотворения и поэмы / общая редакция Б.А. Филиппова, [П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрина; вступительные статьи Б. Филиппова и Э. Райса. Paris, YMCA-Press, 1982-1984). В 2-х тт. 608 с.
5. Волошин М.А. Собрание сочинений /под общ. ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – М.: «Эллис Лак 2000», 2003. Т. I. 608 с.

[9] См.: Волошин М. *Horomedon* [2].
[10] См.: Волошин М. *Аполлон и мышь* [3].
[11] А. Ф. Лосев, анализируя период ранней и средней классики Древней Греции, он отмечал, что время, по взглядам людей этой культуры, «очень мало зависит от людей, совсем не зависит от богов и даже выше самой судьбы. Это — какая-то страшная стихия, охватывающая всю мировую жизнь с начала до конца, дарующая для всего как радость, так и печаль, страдания. Это — специфическая стихия, совершенно не сводимая ни к чему другому. Это — рисунок самой жизни, пребывающей во всегдашнем становлении и совершенно ни от чего не зависящей. Это — не астрономическое время, но и не случайное протекание человеческих событий. Это — не поэтическая метафора и не какой-нибудь художественный образ чего-либо другого. Перед нами совершенно самостоятельная стихия, если не прямо страшилище, в котором абстрактная всеобщность раннего и среднего полиса совместилась с невероятной конкретностью жизненных проявлений, с самым жутким интуитивизмом всего происходящего, <…> о которой не знаешь, что и сказать: абстрактное ли это понятие или страшное живое существо»[7, 136-137].
[12]Ср: Понять «природу» времени — значит указать его природный референт, т.е. процесс, явление, «носитель» в материальном мире, свойства которого могли бы быть отождествлены или корреспондированы со свойствами, приписываемыми феномену времени. [6, 53].

6. Левич А.П. Природные референты «течения» времени: становление как изменение количества субстанции // Философия науки. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2000. С. 48-53.
7. Лосев А.Ф. Античная философия истории. — М.: Наука, 1977. – 208 с.).
8. Люсый А.П. Русский космос и мистерия времени: Опыт конспекта трех эссе М. Волошина с лирическими комментариями // Октябрь. - 1995. - № 4. - С. 177- 182.
9. Сергиева Н.С. Представления о времени в ядре русского языкового сознания // URL: http://www.lib.csu.ru/vch/110/021.pdf
10. Столович Л. Н. Максимилиан Волошин в контексте истории русской философии (К 130-летию со дня рождения М.А. Волошина) // URL: http://naukarus.com/maksimilian-voloshin-v-kontekste-istorii-russkoy-filosofii-k-130-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-m-a-voloshina
11. Соловьев Э. "Благослови свой синий окоем". Космоперсонализм и историософская ирония Максимилиана Волошина // URL: http://az.lib.rU/w/woloshin_m_a/text_0080.shtml
12. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. - С-Пб.: «Искусство-СПБ», 2003, с. 7-118. С. 64.).
13. Филиппов Б.А. Поэт контрастов и мятежей // Волошин М. А. Стихотворения и поэмы / общая редакция Б.А. Филиппова, [П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрина; вступительные статьи Б. Филиппова и Э. Райса. Paris, YMCA-Press, 1982-1984). В 2-х тт. 608 с. С. I-XXXI.
14. Философов Д. «Дело Волошина» // Молва. 1932. №137 (18 февраля) / Подготовка текста Павел Лавринец, Публикация Русские творческие ресурсы Балтии, 2003. // URL: http://bezmuzei.ucoz.ru/publ/filosofov_d_v_delo_voloshina/5-1-0-47.
15. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Соч. в 2-х тт. Т.1(1). - М., 1990. С. 43.
16. Шалыгина О.В. Опыт изучения философии писателя в чеховедении, доклад 28 июня 2017 на заседании научной группы ИМЛИ РАН "Литература и философия: пути взаимодействия" (грант РНФ проект № 17-18-01432), канал ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ. Опубликовано: 11 сент. 2017 г. URL: https://youtu.be/lbkpdkqwah4
17. Шалыгина О.В. Ландшафтные коннотации солярного мифа в структуре крымского текста (М. Волошин «Киммерийские сумерки») (в печати)

Information about author: Olga V. Shalygina — DSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, E-mail: shalygina@imli.ru, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia.

Acknowledgements: This scientific investigation was carried out with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).